

Евгений Валериевич Даутов

И с песней в путь казачий

Евгений Даутов

И с песней в путь казачий

«Издательские решения»

Даутов Е. В.

И с песней в путь казачий / Е. В. Даутов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-685903-6

«С кем поведешься, от того и наберешься» — гласит народная пословица. Мне в жизни посчастливилось встретить людей, которые в каждой своей песне и каждом действии открывают удивительный мир исторического, культурного и духовного наследия. Они создают сами и учат этому других. Эта книга именно о них — о людях, которые изменили мою жизнь. Фотографии из личного архива автора и архива миасского фотографа Александра Мизурова. Также благодарю за прекрасные фото Екатерину Рыбальченко и Елену Калинину.

ISBN 978-5-00-685903-6

© Даутов Е. В.
© Издательские решения

Содержание

И с песней в путь казачий	6
Знакомство у костра	6
Первая репетиция	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

И с песней в путь казачий

Евгений Валериевич Даутов

© Евгений Валериевич Даутов, 2026

ISBN 978-5-0068-5903-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемый читатель!

Книга, которую Вы только что открыли и начинаете читать, – не просто книжка. В старые времена подобное назвали бы, вероятно, волшебством. И хотя в современном мире то, что задумано, мы именуем двумя не всегда понятными заграничными словами – «мультимедийный проект», надеюсь, это не отпугнёт Вас и книга станет для Вас маленьким приятным чудом.

Работать над созданием этой необычной книги мне помог друг и соратник – писатель и журналист Валерий Мирошников. Мы постарались сделать так, чтобы читая эту историю, Вы могли и сами почувствовать удивительные песни в исполнении ансамбля «Вольница», и даже прожить вместе с коллективом время на фестивалях и концертах.

Приятного чтения!

И с песней в путь казачий

*Посвящается участникам казачьего ансамбля «Вольница»
и друзьям коллектива.*

Знакомство у костра

Запись в дневнике:

«22 июня 2008 г., воскресенье, оз. Чебаркуль.

Вот и закончился наш праздник на острове. Познакомился с настоящими казаками. Вместе пели разные песни. Как они поют!»

Держу в руках открытую, слегка потёртую общую тетрадь, и на моём лице появляется улыбка. Это удивительно, но именно с этого праздника в кругу друзей и началась новая страница моей жизни. Воспоминания медленно наплывают. Я словно вижу и опять ощущаю тёплые летние дни семнадцать лет назад.

Начинались очередные июньские выходные. По прогнозу, дождей не ожидалось, и я, пользуясь этим, со всей своей семьёй решил отдохнуть на природе в компании наших друзей. Первая половина субботнего дня прошла как обычно: сборы к выходу в лес, бытовые разговоры, дорога до места встречи. Без четверти двенадцать вся моя семья бодро подходила к условленному пункту.

Ещё издалека мы разглядели шесть знакомых лиц. Они непринуждённо и в некоторой степени хаотично расположились на остановке в ожидании остальных из нашей компании. Если не знать их лично, то, пожалуй, невозможно было бы догадаться, что они из одной компании и их объединяют общие дела. По крайней мере – внешне. От обычных прохожих, с нетерпением выглядывающих троллейбус, никто из наших друзей не отличался. Тем не менее нечто едва уловимое всё же выделяло их на фоне окружающих людей. Возможно, этим нечто тогда являлось приподнятое настроение каждого и праздничное состояние души, а может, что-то пока ещё неизвестное нам, но точно ощутимое.

Двое из них сидели на лавочке остановочного комплекса и весело что-то обсуждали. Обоим лет по тридцать. Первым я узнал Алексея. Он всегда в очках, выше среднего роста и коренастого телосложения. Его трудно не заметить. Рядом был Равиль, возможно, ниже всего лишь на два-три сантиметра, но выглядевший несколько стройнее. Интересно было наблюдать за ними, пока они сидели, общались и что-то друг другу объясняли с помощью жестов. Их руки были будто наполнены скрытой внутренней силой, а движения уверенные и точные. И это выдавало в них тех, кто уже не один год занимается единоборством.

Слева от ребят, на стоянке в нескольких метрах, возле багажника машины находился подтянутый и всегда собранный мужчина лет сорока. Это был Александр. Он увидел, что мы приближаемся, и на его строгом лице под небольшими усами появилась дружеская улыбка. Здесь же была и его жена Оля – приятная и приветливая женщина. Ей было так же, как и Саше, около сорока лет, но она вела такую активную жизнь, что некоторые молодые ещё и не поспевали за ней.

Справа от остановки, выгуливая маленькую породистую собачку, стояла ещё одна из ожидавших – Лена. Хотя ей уже почти пятьдесят, она была, как всегда, полна сил, энергии и любви к жизни и людям. Её вид иногда напоминал добрую барыню или волшебницу из старых советских сказочных кинокартин.

Буквально в трёх шагах от Лены разговаривал по сотовому телефону Константин – высокий худощавый мужчина, которому на вид тоже уже далеко за сорок. Он говорил ровным и уверенным голосом. Его спокойствие выражали и жесты, и положение тела. Казалось, будто ему сейчас настолько хорошо, что он готов с любым прохожим делиться этим счастьем безмерно.

Поздоровавшись с каждым, я со своей семьёй устроился на соседней лавке. К двенадцати часам подтянулись и подъехали ещё несколько друзей, и вся наша компания – человек двадцать – была полностью в сборе и готова к выдвижению. В путь. До базы отдыха добрались на машинах, дальше пешком через мост, и вот мы на небольшом острове.

Представьте себе: маленький посёлок, грунтовая дорога сквозь лес, за ним озеро, на берегу дом отдыха, построенный ещё во времена существования Советского Союза, а чуть поодаль небольшой мост и островок как в сказке – с лесочком, земляничной поляной и приятным песочным бережком. Там мы и решили обосноваться. Выбрали место поуютнее и шустро начали организовывать стоянку. Почти все взрослые у нас – туристы бывалые, не прошло и получаса, как приготовления закончились и лагерь был готов.

– Красота! Всё! Я сплю, меня не кантовать, при пожаре выносить первым, – произнёс я мою любимую заводскую фразу и нежно растянулся в тени палатки.

– Ага. А что это там такое? – сказал неожиданно оказавшийся рядом Алексей, показывая в мою сторону.

Ни один праздник в нашей компании не обходился без молодецких забав, и Алексей всегда в них неприменимый участник, но в неге на природе у меня об этом совсем забылось.

– Какое? – удивлённо спросил я, вмиг вскочил на ноги и стал быстро оглядывать себя и место, на котором лежал.

– А вот это... – смеясь, ответил Алексей и ловко схватил меня за затылок.

– Ах, вот ты как! – я освободился и сам потянулся рукой к его голове.

Алексей увернулся и сделал вторую попытку взять мой затылок. В этот раз я уже не оплошал, перевёл его руку в сторону, и мы «завязались» в любках. Любки – в нашем кругу это не имя милых сердцу дам, так у нас назывался один из видов русского единоборства. Ударение в этом необычном слове нужно ставить на второй слог. Вообще, любки (ударение на второй слог) нельзя относить к единоборствам в спортивном понимании. Это одновременно и вид состязания, и упражнения для тренировки тела, и способ познания души и духа. И что очень важно – в любках у борющихся, сколько бы их ни было, всегда появляется радость. Можно сказать, радость от непрерывающегося движения, и она такая заразительная, что ощущать её начинают даже случайно оказавшиеся рядом зрители.

– Э, бойцы-любошники! Вы сейчас весь стол разнесёте! – смеясь над нашей вознёй, прикрикнула Лена, одна из самых активных женщин в компании, и, раскладывая продукты по лежащей на полянке скатерти, добавила: – Идите в сторонке боритесь!

Не отрываясь друг от друга и не прекращая движения, мы переместились за палатки и там увлечённо продолжили свою борьбу.

Тем временем приехавшие в нашей компании дети вместе с моими уже плескались в воде и заливали всю округу своим звонким смехом. Невдалеке один из друзей не спеша разматывал удочки. На берегу, уютно расположившись, Костя и Саша обсуждали прошедшие за последнее время мероприятия и встречи и составляли план на будущие. Константин, кроме того, что работает врачом, много занимается общественной деятельностью, и он один из главных организаторов популярного в городе ежегодного праздника «Миасская Масленица», а Александр – преподаватель занятий по любкам. Им явно было о чём потолковать.

Несколько других наших товарищей разошлись по всему острову и наслаждались свежей земляничкой. Июнь в то лето выдался на редкость удачным. Погода нас здесь, на Южном Урале, не радует своим постоянством – то жарко, то холодно, то заливает дождями. Бывало,

и снег в июне выпадал. Но в том году весь месяц был ровным – и тепла, и дождей было в меру. Поэтому ягод выросло много, хватало всем, и народ с удовольствием поедал их.

Вскоре женщины в центре нашего палаточного лагеря приготовили обед, и моя жена Леночка пригласила всех за импровизированный стол. Мы устроились вокруг расставленных на скатерти блюд с фруктами, сладостями, салатов и мясной нарезки и приступили к нашему пиршеству.

– Как вам вообще идея организовать годичный круг праздников? – первым оторвался от еды Константин.

– Ты имеешь в виду на городском уровне? – спросил Лёша.

– Да. Сделать ещё несколько сезонных праздников, например Праздник Урожая, общими городскими мероприятиями, так же как и наша Миасская Масленица.

– Идея-то хорошая, – вступила в разговор Оля, – но будут ли приходить люди? В советское время кроме Проводов Зимы, Нового года и государственных праздников других не было. Будет ли интересно им наше предложение...

Оля – супруга Александра – самая внимательная среди нас ко всему, что связано с народными традициями, и искусная мастерица. Её творения – яйца-писанки с красивыми узорами и куклы из ткани и соломы – постоянно находятся на городской выставке в Доме народного творчества.

– В то время был День Нептуна, были и другие, – возразила Лена, – и их сейчас уже нет, а народ праздников очень ждёт. В старые времена вообще народ гулял сто сорок дней в году, а сейчас сколько, сравните. Праздников людям шибко не хватает, особенно настоящих, душевных.

Лена отсела в сторонку, взяла в руки балалайку и стала её настраивать.

– Кстати, – вдруг она вспомнила, – я же гостей пригласила к нам сегодня. Думаю, скоро они будут.

– Здорово! – отозвался народ за столом, завершая пиршество ароматным чаем из местных трав.

После обеда вся наша компания продолжила заниматься всем, что было интересно: кто просто гулял по острову, кто ловил рыбу, кто развлекался и играл, кто боролся, а кто вёл серьёзные разговоры. Временами кто-то переключался и присоединялся к другим занятиям.

Ближе к вечеру, когда все наигрались, вдоволь развлеклись и нагулялись, стали собираться у костра. В котелке уже дымился свежесваренный чай, а Константин делился мечтой и призывал последовать своему примеру других.

– Вот смотрите, сначала мы сделаем годовой круг народных праздников у нас, в своём городе. Ведь Масленицу смогли запустить. Потом наш образ подхватят Челябинск, Екатеринбург, Москва, Новосибирск...

– И так по всей матушке-России?

– Конечно. И в каждом городе... Да что там в городе – в каждом дворе будут круглый год народные праздники, народные гулянья всем миром. Как когда-то в каждой деревне.

– И вместо песен на английском везде будут наши родные: в каждом окне и в каждой машине. Тёплые и душевные.

Лена взяла в руки настроенную балалайку и тихонько, не мешая рождению большого общего образа, сначала наиграла мелодию, а затем вполголоса запела:

– А я по лугу, а я по лугу. Я по лугу гуляла...

– Я по лугу гуляла, – хором поддержали собравшиеся.

– Я с комариком, я с комариком, с комариком плясала, с комариком плясала... – продолжала литься песня.

Саша встал со своего места, приплясывая, подошёл к Оле и, приглашая её в пляс, отвёл за руку от костра.

За ними потянулись и другие пары.

– Пойдём, – позвала меня жена, я последовал за ней и, неумело притопывая, как неуклюжий медвежонок, пустился в пляс. Поднялись и другие пары.

– ...А я матери, а я матери, я матери кричала, я матери кричала... – песня зазвучала громче и громче, а плясы каждой пары становились яростней и красивей. Было ощущение, что движение захватило весь остров и уже не люди пляшут, а язычки костра.

Но вот мелодия стала замедляться, и пары постепенно, не переставая подпевать, уселись по своим местам.

– ...С комариком плясала. – Лена сыграла последний аккорд и замолчала. Замолчали и все вокруг.

Возле костра установилась звенящая тишина. Несколько минут все просто сидели. Говорить никому не хотелось. Казалось, что песня вместе с нашей общей мечтой унеслась куда-то вдаль, в мироздание.

За палатками хрустнула ветка и послышались шаги.

– Хорошо вы поёте. Слышно было аж за мостом, – сказал мужской голос, и мы увидели приближающихся к нам людей.

– Вот и казаки, наши сегодняшние гости, – обрадованно сообщила Лена. – Вы, как всегда, с гармошкой!

К нам стали подходить трое мужчин, женщина и несколько детей.

– Всё своё всегда с собой, – смеясь, ответил один из подошедших мужчин и поставил гармонь на землю.

Он был немного ниже двоих своих товарищей, с небольшой бородой на загорелом лице и крепкими на вид руками. Его глаза в свете костра будто сверкали внутренним озорным блеском. Второй – чуть выше и плотнее телом, нёс большую дорожную сумку. Его взгляд выражал одновременно внимательность и открытость, доверие миру. За ним пришла женщина с аккуратно прибранными в комок необычным способом волосами. Как я понял позже, это одна из традиционных казачьих женских причёсок. На плечи женщины был накинут красный платок с большими цветами, а в руках она держала бубенцы. Затем появилось четверо детей. Последним подошёл высокий и стройный тридцатипятилетний мужчина, на его лице уже сияла широкая, добродушная и располагающая к себе улыбка.

– Для тех, кто не знает, это наши миасские казаки – ансамбль «Вольница», – представила Лена гостей.

– Николай, – сказал мужчина с бородой и начал за руку здороваться с присутствующими.

– Добрый вечер всем. Игорь, – поприветствовал второй, который был с огромной сумкой.

– Валера, можно – Кузьмич, – представился самый высокий из них.

– И не только «Вольница»! Я Ольга, – улыбаясь, сказала женщина. – У нас есть «Вольница», а есть ещё ансамбль «Семейный» – это я, Коля и дети.

Первый состав «Вольницы». Фото из архива Мизурова А. 2004 год, Поляковка

Казачья семья. Михайловы

Поздоровавшись со всеми и познакомившись, гости расположились возле костра.

– Чаю? – предложил Константин.

– Охотно, – отозвался Николай.

– Не откажусь, – поддержал Кузьмич.

За общим чаепитием Константин рассказал пришедшим о своих планах и мечтах о годичном круге народных праздников.

– Заодно через праздники возродим и мужскую воинскую культуру. А то у нас сейчас так, как в анекдоте: «В нашей стране есть два мужских праздника – 23 февраля и 9 марта», – завершил он бодро.

– А давайте что-нибудь споём, – предложила Ольга и, улыбаясь, повернулась к своему супругу Николаю.

Николай поднял гармонь, накинул на плечи ремни, пробежался пальцами по клавишам и, подумав несколько секунд, сообщил:

– Казачья шуточная.

Он разыграл пару аккордов, и Валерий Кузьмич, один из наших гостей, начал новую для меня песню:

– Задумал я жениться в семнадцатом году.

– Да дело не клеится, невесты не найду, – подхватил Игорь.

– Ей-ей, живо-живо, даёшь пару пива и парочку девчат, чтобы было с кем начать, – включились в песню остальные гости.

– Родименький ты мой батюшка, жениться я хочу! – продолжал Кузьмич.

– Не шутишь ли ты, Ванечка? – подпел Николай.

– Ей-богу, не шучу!

– Ей-ей, живо-живо, даёшь пару пива и парочку девчат, чтобы было с кем начать, – в этот раз, да и в остальные, припев пели мы уже все вместе.

– Родимый ты мой Ванечка, у мельника есть дочь. Он за тебя, за олуха, отдать её не прочь.

– Хотя она горбатая и не дошла умом, зато она богатая: приданно полон дом.

– Коровушки, лошадушки и несколько овец, и будешь ты, мой Ванечка, богатый, как купец.

– Родименький мой батюшка, я лучше утоплюсь, но на горбатой дочке, ей-богу, не женюсь.

– Ей-ей, живо-живо, даёшь пару пива и парочку девчат для зачатья казачат! – последний припев оказался с довольно неожиданной, но многозначительной концовкой.

Все засмеялись.

– Сразу хочу сказать, что здесь, в этой песне, мы поём не про то пиво, которое делают и продают сейчас, не про слабоалкогольный напиток, а про то, как было на Руси издревле. Славянское слово «пиво» происходит от «пить» и раньше означало всякое питьё, любой напиток вообще. Например, морс, квас, травяной взвар, – пояснил всем Николай и, улыбаясь, повернулся к Лене: – Теперь вы запеваеете.

– Нас уговаривать не придётся, – отозвалась Лена, уже держа в руках свой любимый инструмент, и тут же завела: – У ворот сосна зеленая...

– У ворот сосна зеленая... – мгновенно мы включились в знакомую всем в нашей компании песню. – Зеленая, зеленая, зеленая...

Затем были ещё песни. И ещё. И ещё. День уже давно закончился, а песни возле костра всё лились и лились, не прекращаясь. Были и всем знакомые, общие, и те, которые пели по очереди – то мы, то наши гости, но и такие тоже заканчивались совместным пением.

В ту ночь я впервые увидел, как песня оживает и что значит жить в песне. Что бы ни пели наши новые знакомые, они будто вживались в героев. Это можно сравнить только с тем, как дети живут в играх, полностью их проживая внутри. Все участники ансамбля словно жили в каждой песне: звуком, голосом, словами, движением тел, выражением лица, едва уловимыми жестами, блеском глаз. Даже дети из «Семейного» с радостью пели, покрикивали, подгикивали и приплясывали возле костра, словно ожившие Огневушки-Поскакушки из сказов Бажова.

Уже было за полночь, когда Константин позвал в сторонку Равиля. Они отошли за палатки и через минуту вынесли небольшой заранее приготовленный плот из брёвен. Сверху на нём были аккуратно сложены ветки для костра.

Несколько лет назад ребята узнали об одном обычае поминания погибших воинов – пускании плотика с костром по воде, и решили перенять этот обычай и сегодняшней ночью обязательно его сделать. Потому что в эту ночь каждому из нас было кого помянуть.

– Пойдёмте к озеру, – пригласил всех Константин.

Осторожно ступая, мы все пришли на берег. Костя с Равилем молча разожгли костёр на плотике, разделись и вместе с плотиком стали входить в воду. Через несколько секунд они уже плыли в сторону маленького островка в центре озера. Лена потихоньку запела протяжную народную песню. Кто-то рядом стал подгуживать ей. Костя с Равилем уплывали всё дальше

и дальше. Мы стояли в ожидании. В какой-то миг плескание воды прекратилось. Казалось, что мир в какой-то миг замер. Прошла минута, вторая, третья. И вот мы снова услышали характерный плеск, затем увидели плывущих назад.

Когда Константин и Равиль вышли из воды, все дружно, так же осторожно вставая на землю, чтоб не оступиться в темноте, стали возвращаться к нашему костру. Некоторое время мы молча сидели и пили чай. Стояла летняя ночная тишина: мирно потрескивают дрова в костре, где-то пролетела со своим стрекотаньем стрекоза, где-то из-за кустов вспорхнула птица, пару раз от воды послышался плеск рыбы. Хорошо, тихо и спокойно на душе.

– Го-о-ол! – неожиданно донеслось до нас с противоположной стороны озера.

– О! Видать, наши забили голландцам, – отметил Равиль.

– Ага, – кто-то отозвался возле костра, и тишина опять повисла над нашим лагерем.

– Ва-а-а! Го-о-ол! – через несколько минут пришло от берега второй раз.

Мы засмеялись.

– Похоже, наши выигрывают. Мы побеждаем, – сказал Константин, улыбнулся и, повернувшись к гостям, предложил: – Споём?

Николай кивнул в знак согласия и взял в руки гармонь. Над костром вновь заиграли песни. «Любопытно, – подумал я, слушая неизвестный мне старинный казачий романс. – Какое удивительное время, как всё интересно совпало!» Там, на той стороне озера, кто-то уже отмечал победу российской сборной в четвертьфинале по футболу. А мы здесь, у себя, продолжали свой небольшой праздник в кругу друзей и пели удивительно красивые песни. И всё это в такую волшебную июньскую ночь!

Спать мы легли, конечно, довольно поздно. Утром, когда я проснулся, наших гостей уже не было, только Александр сидел возле костра и поддерживал его, а Костя и Лёша разминали друг друга в любках. Потихонечку стали просыпаться и выходить из своих палаток остальные из нашей компании. Мои дети, поворчав и о чём-то поговорив друг с другом, вылезли из семейной брезентовой палатки и вприпрыжку побежали к воде.

Спустя час вся компания снова сидела у костра, завтракала и обменивалась своими впечатлениями. Я налил свежесваренный ароматный чай детям и жене и подошёл к Лене.

– А это правда были казаки? Ты не пошутила вчера так? – осторожно спросил я.

– Не пошутила. Правда – это казаки.

Так передо мной в ту ночь открылась дверь в новый удивительный мир, в который мне уже суждено было войти. Но об этом тогда я ещё не подозревал, вместе семьёй к обеду вернулся домой, и у нас продолжилась обычная повседневная жизнь.

Первая репетиция

Запись в дневнике:

«4 марта 2009 г., среда, г. Миасс.

Съездил на репетицию в «Вольницу». О впечатлениях скажу так: для первого раза – непривычные. Но ездить и заниматься буду».

Я проскользнул несколько следующих записей в тетради и остановил взгляд на той, где написал о своей первой репетиции. Запись была короткой, впрочем, как и все остальные. Но событие, произошедшее в тот день, было насыщено новыми знакомствами и поразило меня прежде всего необычными ощущениями.

Что меня подвигло на такой шаг – поехать на репетицию? Моя любовь с детства к народной музыке и песням? Память о танцевальном кружке и школьном вокально-инструментальном ансамбле? Простое любопытство к чему-то новому? Или душевное приглашение Ольги – жены Саши? Наверное, всё вместе.

Хотя тяга к пению у меня была с раннего детства, но судьба сложилась так, что петь в каком-нибудь ансамбле, да ещё и на сцене, было недостижимой мечтой. Справедливости ради нужно сказать, что попытки достигнуть происходили. И неоднократно. Однажды даже осмелился в школьном ансамбле взять в руки микрофон. Однако, послушав меня, любимый учитель покачал головой и тихо, видать, чтоб другие не услышали, сказал: «Нет. Лучше не надо». О сцене, естественно, я с того времени больше не думал, а если и пел, то только слегка напевая, для настроения. И вдруг такое – поехать на репетицию ансамбля. Петь. При всех.

Я вспоминаю, как за день до поездки у нас была встреча с друзьями. Мы обсуждали проведённую нами в последнее воскресенье городскую Масленицу и делились своими впечатлениями. На этом празднике среди приглашённых нами участников был и ансамбль «Вольница», а после мероприятия его руководитель Николай Михайлов остался на наше праздничное чаепитие, и мы вместе пели много чудесных песен. Разговоры ребят о прошедшем событии возвращали меня мыслями и к самой Масленице, и к первой встрече с этими казаками полгода назад. Неожиданно Оля обратилась ко всем:

– У нас в «Вольнице» в среду будет репетиция. Если есть желание попеть – приезжайте. Мы репетируем в колледже искусств во втором корпусе с шести вечера.

– А ты тоже в ансамбле поёшь? – спросил я с удивлением.

– Да. С осени.

– А это же они были полгода назад на нашем летнем празднике на острове?

– Они.

Дальше я уже спрашивать не стал и ничего не ответил на приглашение, но вечером в среду уже ехал вместе с Сашей и Олей на свою первую репетицию в казачьем ансамбле.

Мы подъехали к двухэтажному зданию, построенному ещё в шестидесятые или пятидесятые годы. Из приоткрытой форточки на первом этаже доносились звуки играющей гармони и лирической женской песни. Войдя в просторный зал, который, видимо, предназначался для танцевальных занятий, я увидел лишь Николая, кстати, по отчеству он также Николаевич, его жену – Ольгу Александровну, маленького Ярослава – одного из детей «Семейного» ансамбля на нашем празднике почти год назад, в июне, и ещё одну незнакомую девушку.

– Вы пока слушайте, привыкайте. Если будет что-то знакомое и захочется петь – не бойтесь, пойте, – обратился Николай ко мне и Саше, который, как оказалось, тоже был первый раз.

– Хорошо, – ответили мы и встали рядышком.

Николай Николаевич проиграл несколько нот, и две Ольги и неизвестная девушка протяжно запели:

– О-о-ой, уж ты, у-у-удаль...

Это была рекрутская песня, которую я услышал впервые в жизни. Пока она пелась, в зал успели прийти ещё несколько человек – участников «Вольницы». Они молча, чтоб не нарушить течение песни, проходили, раздевались, кивком здоровались и сразу же присоединялись к пению. С каждым приходящим песня становилась всё сильнее и сильнее. И это не просто добавлялся новый звук. Каждый человек словно вливался своим голосом в общий поток, раздвигая какие-то тонко осязаемые границы, расширяя и ещё более оживляя то пространство, которое можно назвать пространством живой песни.

Перед моим внутренним взором появлялись и старый казачий дом, где жила большая семья, и тот рекрут-новобранец, которого забирают в армию и уже бреют голову, и кричащая, рыдающая мать, и стоящие в сторонке убелённые сединой старики – уже пожившие и выдавшие в жизни много горя казак с казачкой, и к ним прижавшиеся младшие братья рекрута, и ожидавший в дверях офицер.

Песня закончилась. В зале повисла тишина. Николай выдержал паузу несколько секунд, взял новые аккорды и начал уже другую, тоже рекрутскую песню:

– Сормовска больша дорога вся слезами улита...

– Да, вся слезами улита-а-ая, по ней ходили рекрута... – тут же подхватил весь ансамбль.

И снова, пока лилась песня, я переживал интересные и непривычные ощущения. Только в этот раз под песню я уже вспоминал собственную жизнь. Вспоминал, как ходил в военкомат, как проходил медосмотр, как оформлял и брал документы на подготовительные курсы, чтоб сделать попытку поступить в зенитно-ракетное военное училище. Вспоминал наставления деда – фронтовика, дошедшего до Берлина, и думал, что совсем скоро придёт пора и сына провожать в армию.

После песни о Сормовской дороге Николай отошёл в сторону, убрал гармонь, взял стопку листов и вернулся.

– Разучим новую? – предложил он всем и начал раздавать листки.

Вдруг, протягивая написанный текст мне и Саше и обращаясь уже к нам, добавил:

– Пробуйте.

– А получится? Мне как-то говорили, что у меня голоса нет, – испуганно спросил я.

– А почему не получится-то? Всё получится, – подбодрил он, вставая на своё место.

– Голос есть у всех. Ты же вообще в жизни говоришь, умеешь. Значит, и петь можешь, – твёрдо заявила Ольга Александровна.

– Э, ой, да на речке да было, братцы, на речке Камы... ой, да на Камышинке, – продиктовал Николай первый куплет, отдельно и чётко проговаривая каждое слово, – ай, да вот бы да на речке да ну было, братцы, на речке Камы... ой, да на Камышинке.

– Нижний голос, – он подошёл к одному из ансамбля и, перейдя своим голосом в бас, начал показывать, как следует петь.

– Братцы, на речке Камы... ой, да на Камышинке, – пропели они уже вместе один раз.

– Братцы, на речке Камы... ой, да на Камышинке, – ещё раз повторили начало песни.

– Ай, да вот бы да на речке да ну было, братцы, на речке Камы... ой, да на Камышинке, – показал Николай вторую строчку куплета для нижнего голоса.

После того как они вместе раза три спели отдельно и каждую строчку, и весь куплет целиком, Николай повернулся к двум стоявшим рядом людям. С одним я уже встречался на празднике почти год назад и в прошедшую Масленицу. Это был Валерий, которого весь коллектив величал по отчеству – Кузьмич. А второго я увидел первый раз и ещё не был с ним знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.